Сергей ПАХОМОВ,
доктор экономических наук

Долговое наследие Российской империи и его современные последствия

ЧАСТЬ II[1]

Советская «Декларация о признании долгов», которая сделала возможным созыв Генуэзской конференции, с точки зрения Ленина вовсе не означала, что эти долги надо платить. Вождь поставил задачу перед советскими «революционными дипломатами» добиться в ходе конференции совсем иных целей.

КЕЙНС КАК СОРАТНИК И ВДОХНОВИТЕЛЬ ЛЕНИНА

На Генуэзской конференции 1922 года вопрос отношений с Советской Россией должен был занять центральное место. Пагубное влияние экономической разрухи в Центральной и Восточной Европе на состояние западноевропейской промышленности, торговли и экономики привело политическое руководство стран Западной Европы и США к выводу, что без восстановления Германии и России нельзя рассчитывать на быстрое преодоление последствий мировой войны. Ленин по этому поводу гордо отметил: «Мы знаем, что экономическое положение тех, кто нас блокировал, оказалось уязвимым. Есть сила бóльшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами»[2].

Ленин, управлявший Советской Россией практически в «ручном режиме» с помощью потока записок, письменных указаний, инструкций, резолюций и выступлений, тщательно следил за международной обстановкой и был в курсе всех противоречий между европейскими державами. Ллойд Джордж говорил о лидерах большевиков: «Как бы их ни оценивать, они люди исключительных способностей и великолепного знакомства с международ-

[1] Продолжение. Начало — в Cbonds Review № 1, 2018.

[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 44, М., 1982, стр. 304–305.

ным положением»[1]. Еще в декабре 1920 года, выступая в «своем кругу» на активе Московской организации РКП(б), Ленин допустил «оговорку по Фрейду», которая показала его истинное отношение к проблеме российского долга: «Мы до сих пор с капиталистами воевали, и они нам говорили: либо мы вас задушим, либо мы вас заставим уплатить 20 миллиардов. Но они нас задушить не в состоянии, и долгов мы им не заплатим»[2]. Он тщательно изучил книгу Кейнса «Экономические последствия Версальского мирного договора», изданную в 1919 году, и все его последующие работы по теме взаимоотношений Антанты с побежденной Германией. Кейнс во многом способствовал формированию ленинского взгляда на мир после Первой мировой войны. Пересмотр Версальского мирного договора, погашение взаимной задолженности союзников, списание военных долгов, международный заем и реформа денежной системы, урегулирование отношений с Советской Россией и Германией, экономическое восстановление России в сотрудничестве с Германией — все эти идеи взяты Лениным у Кейнса[3]. «Кейнс пришел к выводам, что Европа и весь мир с Версальским миром идут к банкротству... Аннулировать все долги, как предлагает Кейнс!.. И миллионы людей слышат... что выхода нет, кроме аннулирования долгов... Таким экономистам-агитаторам за большевизм следовало бы от имени съезда Коммунистического интернационала послать благодарственный адрес»[4]. Ленин активно оперировал в своих статьях и выступлениях аргументами и статистикой Кейнса по задолженности России и союзников, экономическому положению Германии, Франции, Англии и США. В июне 1920 года Ленин дал указание перевести эту книгу на русский язык и при подготовке к Генуэзской конференции категорически потребовал: «Все члены делегации должны знать превосходно книгу Кейнса ("Экономические последствия мира")»[5].

Идеи Кейнса находили у Ленина горячий отклик потому, что, несмотря на декларацию большевиков о возможности признания царских довоенных долгов, Советская Россия была совершенно неплатежеспособна. В 1919 году долг России составлял 90% «национального имущества» страны. «Страна неслыханно разорена». Только для обслуживания довоенных долгов РСФСР требовалось бы 240 млн золотых рублей в год, а с учетом военного долга — 640 млн руб. в год. Для восстановления экономики России к довоенному уровню, по оценке американских экспертов, требовалось несколько десятилетий и новых займов примерно на 3 млрд золотых руб. ($1.5 млрд), которые можно было бы привлечь в 1922 году не менее чем под 8% годовых. Это добавило бы к процентным платежам еще 240 млн золотых руб. в год, итого — 880 млн руб. В условиях практически полного отсутствия золотого запаса единственным источником платежей по старым и новым долгам мог быть только экспорт. Самый благоприятный прогноз возможных экспортных поступлений при восстановлении довоенного уровня производства в добывающей промышленности и в сельском хозяйстве мог дать ежегодно 1 млрд 150 млн золотых руб. Одновременно только жизненно важный импорт требовал расходов в 1 млрд 33 млн золотых руб. в год. На ежегодное обслуживание займов оставалось всего 105 млн золотых руб. Единственный выход — уничтожить все старые долги и ограничить новый заем на восстановление России 700 млн золотых руб. «Ни один человек... не согласится участвовать в новом займе для России... Если существующие обязательства подлежат удовлетворению, то ясно, что платежи по новым невозможны... При отказе от полного уничтожения старых долгов, единственным выходом является очень длительный мораторий по их обслуживанию и погашению... Даже в случае признания Россией ее прежних долгов она не может уплатить их»[6]. Ленин, рассылавший регулярно записки с требованием отчитаться о состоянии иностранной помощи голодающим и подсчитать последние остатки золота в Госбанке, самостоятельно пришел к аналогичным выводам.

«РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ»

После поражения в войне с Польшей Ленин прагматично перешел к политике «мирного сосуществования», основанной на использовании противоречий «в лагере мирового империализма» для укрепления

В 1919 ГОДУ ДОЛГ РОССИИ СОСТАВЛЯЛ 90% «НАЦИОНАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА» СТРАНЫ

[1] Цит. по: Карл Радек. Генуэзская и Гаагская конференции. http://www.magister.msk.ru/library/revolt/radek003.htm

[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 42, М., 1981, стр. 73.

[3] Дж. М. Кейнс. Экономические последствия Версальского мирного договора. 1919. В кн.: «Джон Мейнард Кейнс. Антология экономической мысли. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное». М., 2007, стр. 598, 604–606, 617–618.

[4] В. И. Ленин. ПСС, т. 41, М., 1981, стр. 219, 325.

[5] В. И. Ленин. ПСС, т. 41, М., 1981, стр. 219–227, т. 44, М., 1982, стр. 375.

[6] Л. Пасвольский и Л. Маультон. Русские долги и восстановление России. М., 1925, стр. 37, 45–49, 68, 105, 120, 127–128, 131–132, 145, 167.

позиций Советской России. «Мировая революция» была снята с реальной повестки дня. Ленинская «картина мира», сложившаяся к концу 1920 года, базировалась на использовании конфликтов между ведущими странами капитализма: «Есть ли коренные противоположности в современном капиталистическом мире, которые надо использовать? Есть три основных... Первая — это отношения Японии и Америки. Война готовится между ними... что война неизбежна, это несомненно... экономически война назрела и политически готовится... Другое — между Америкой и всем остальным капиталистическим миром... Америка сильна, ей теперь все должны, от нее все зависит, ее всё больше ненавидят, она грабит всех и грабит очень оригинально... Америка не может помириться с остальной Европой, это факт, доказанный историей... Между ними глубочайшая экономическая рознь... И третью рознь мы имеем между Антантой и Германией. Германия побеждена, подавлена Версальским договором, но она обладает гигантскими экономическими возможностями... Германия одна из самых сильных, передовых капиталистических стран, она Версальского договора не может вынести, и Германия должна искать союзника против всемирного империализма... Вот положение, которое мы должны использовать»[1].

К началу Генуэзской конференции Ленин убедился, что Советской России выгоднее не идти на идеологические и политические уступки и признавать старые долги, надеясь на новые кредиты и экономическое сотрудничество, а развивать двухсторонние торговые отношения со странами Европы и США и, главное, заключить сепаратный мирный договор с Германией, сопровождаемый широкими экономическими соглашениями. В этом ему оказала неожиданную поддержку Англия, заключив 16 марта 1921 года торговое соглашение, возобновившее экономические отношения между странами и оставившее вопрос о царских и военных долгах за его рамками. Затем, 6 мая 1921 года, последовало Временное соглашение с Германией, предусматривавшее развитие экономических отношений. 2 октября 1921 года появилось аналогичное соглашение с Норвегией. Это означало прорыв экономической блокады РСФСР и признание Советской России де-факто, что чрезвычайно воодушевило Ленина и подсказало ему дальнейшую стратегию и тактику по отношению к капиталистическому миру: «Существование наше зависит от того, что существует коренное расхождение империалистических держав с одной стороны, а с другой стороны, что победа Антанты и Версальский мир отбросили в положение невозможности жить гигантское большинство германской нации... Единственное для нее средство спасти себя — только в союзе с Советской Россией, куда она и направляет свой взгляд... Немецкое буржуазное правительство бешено ненавидит большевиков, но интересы международного положения толкают его к миру с Советской Россией против его собственного желания. Это... второй кит нашей международной, внешней политики...»[2] Ленина поддерживает Ллойд Джордж: «Наибольшую опасность современного положения я усматриваю в возможности союза Германии с Россией. Германия может предоставить свои богатства, свой опыт, свои обширные организационные способности в распоряжение фанатиков-революционеров, мечтающих о завоевании мира большевизмом силою оружия. Эта опасность — не простая химера»[3].

ЛЕНИНСКОЕ «ПУШЕЧНОЕ ЯДРО» В ЛАГЕРЬ МИРОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Генуэзская конференция планировалась с участием высших руководителей европейских стран, главой делегации РСФСР был утвержден Ленин. В связи с прогрессирующим ухудшением здоровья и опасениями покушения со стороны белогвардейцев было решено делегировать руководство делегации технократу — наркому иностранных дел Г. В. Чичерину. Ленин был против кандидатур самостоятельных политических фигур — Троцкого и Зиновьева. Придавая конференции первостепенное значение, он лично в деталях руководил ее подготовкой вплоть до распоряжения подготовить специальный шифр для переписки с делегацией, ключ к которому менялся бы ежедневно. Вождь сам разработал «Директиву ЦК РКП(б) для советской делегации на Генуэзской конференции» и «Проект постановления ЦК РКП(б) "О задачах советской делегации в Генуе"». Оба документа были утверждены решениями Политбюро в феврале 1922 года и содержали категорическое указание руководителям делегации не подписывать никаких договоров без санкции ЦК, а значит, Ленина.

Ко времени начала Генуэзской конференции Ленин, как видно из этих документов, окончательно укрепился в необходимости усиления раскола между Германией и Антантой, а внутри Антанты — между Англией и Францией. На основе статистики Кейнса[4] Ленин сделал вывод, что Франция превратилась из кредитора в банкрота и будет ожесточенно сопротивляться списанию чужих долгов. Англия займет компромиссную позицию, поскольку все еще сохранила положение нетто-кредитора, осведомлена о позиции большевиков в отношении военных долгов России и подала сигнал, что готова их списать, заключив торговое соглашение. «Англия соглашается, но Франция этого не хочет», — ответил Ленин в ходе VIII Съезда Советов на вопрос о возможности списания царских долгов[5]. Поэтому в директивах о признании РСФСР старых долгов речи уже нет и долговой вопрос играет в этой стратегии только роль пропагандистского тарана и предмета дипломатического торга. Указания Ленина в отношении переговорной позиции советской делегации сводились к следующему: программа должна быть буржуазно-пацифистской, не выставлять коммунистической программы. «Использовать пацифистов для разложения врага, буржуазии»[6]. Требовать

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 42, М., 1981, стр. 60, 67–68.

[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 42, М., 1981, стр. 105.

[3] Цит. по: Карл Радек. Генуэзская и Гаагская конференции. http://www.magister.msk.ru/library/revolt/radek003.htm

[4] Дж. М. Кейнс. Пересмотр Версальского мирного договора. В кн.: «Джон Мейнард Кейнс. Антология экономической мысли. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное». М., 2007, стр. 751–752.

[5] В. И. Ленин. ПСС, т. 41, М., 1981, стр. 219–221, 452–453, т. 42, М., 1981, стр. 127.

[6] В. И. Ленин. ПСС, т. 54, М., 1983, стр. 171.

аннулирования всех долгов, применения ко всем колониям «ирландского решения», радикального пересмотра Версальского договора, предоставления на льготных условиях займов странам, наиболее разоренным войной, установления единой международной золотой единицы для денежных систем разных стран. Предварительно каннских условий не признавать. Долги признавать «лишь при условии, что наши контрпретензии покрывают их». Если это не удастся, «идти на разрыв, заявляя, что мы готовы признать частные долги, но... считаем их покрытыми, как и всю сумму наших обязательств вообще, нашими контрпретензиями... Если придется рвать, надо выставить... единственную причину разрыва: алчность горстки частных капиталистов, коим служат правительства... Сделать все возможное и кое-что невозможное для того, чтобы усилить пацифистское крыло буржуазии и хоть немного увеличить шансы его победы на выборах, это — во-первых; и во-вторых — чтобы разъединить между собой объединенные против нас буржуазные страны, такова наша двоякая политическая задача в Генуе»[1].

ГЕРМАНИЯ КАК «СЛАБОЕ ЗВЕНО» МИРОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Главной задачей в Генуе для Советской России становится не получение западной экономической и финансовой помощи, а отделение США от Европы, разделение держав Антанты и изоляция Франции, защита Германии и Турции, в итоге — заключение сепаратного мира с Германией. Ленин считал, что иностранный капитал и технологии легче всего было получить из Германии, искавшей выхода из пут Версальского договора. Германия не настаивала на признании старых долгов и ревизии национализации, ее потери были скромными и частично компенсировались условиями Брестского мира, деловые круги надеялись на получение концессий. Экономики Германии и России традиционно взаимно дополняли друг друга, страны были до войны крупнейшими торговыми партнерами, и немецкие деловые круги, полагая, что единственная надежда на жизнеспособность Германии в послевоенном мире, управляемом «англосаксами», заключается в сотрудничестве с Советской Россией, самостоятельно действовали в этом направлении. В мае 1921 года Красину был предложен германскими промышленниками план масштабных инвестиций, которые восстановили бы экономику РСФСР в обмен на германский контроль над ее ключевыми отраслями[2]. «Восстановление и развитие внешней торговли России будет зависеть больше... от спроса Германии на русский экспорт, нежели от требований союзных стран Западной Европы. В отношении экспорта Германия представляет для России больше значения, чем Франция, Бельгия, Италия и Великобритания, взятые вместе... Экономическое восстановление России тесно связано с экономическим восстановлением Германии»[3]. Кроме этого в перспективе было очень нужное как Германии, так и РСФСР военное сотрудничество, за что с 1919 года выступал высший генералитет Германии, толкавший политических руководителей к заключению секретных соглашений с Советской Россией.

Для обработки руководителей Германии в январе 1922 года в Берлин был направлен Карл Радек, который на встрече с министром иностранных дел Германии Ратенау сообщил сенсационную «секретную новость»: Советская Россия практически готова к заключению договора с Францией, который обеспечит ей официальное признание и новые кредиты в обмен на обещание добиваться вместе с Францией исполнения Германией условий Версальского договора. Чтобы не допустить возрождения франко-российского союза Германии следует срочно заключить мирный договор с РСФСР и быть готовой предоставить большие займы. Ратенау, испугавшись, даже предложил кредиты в 5 млрд бумажных марок, но без договора. Радек отверг «ничтожную сумму». Радека в этой дезинформации поддержал Чичерин, посетивший Берлин на пути в Геную. Он привез наброски предлагаемого советско-германского соглашения, которое после доработки германскими экспертами и легло в основу будущего Рапалльского договора[4].

Большевики, ведомые Лениным, подошли к Генуэзской конференции с хорошо проработанным планом действий.

Продолжение — в Cbonds Review № 3, 2018.

ЛЕНИН СЧИТАЛ, ЧТО ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ И ТЕХНОЛОГИИ ЛЕГЧЕ ВСЕГО БЫЛО ПОЛУЧИТЬ ИЗ ГЕРМАНИИ, ИСКАВШЕЙ ВЫХОДА ИЗ ПУТ ВЕРСАЛЬСКОГО ДОГОВОРА

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 44, М., 1982, стр. 382–383, 394,406–408, т. 54, М., 1983, стр. 133–134.

[2] Р. Пайпс. Россия при большевиках. М., 1997, стр. 502.

[3] Л. Пасвольский и Л. Маультон. Русские долги и восстановление России. М.,1925, стр. 142–143.

[4] Р. Пайпс. Россия при большевиках. М., 1997, стр. 501–506.